

Сходства и различия в повествовании о сотворении мира: пролог книги Бытия и древнеавиловонские эпосы

Митрофанов А.В.

Как известно, книга Бытие с 1 по 11 главы содержит два рассказа о сотворении мира и людей. Первый содержится в Быт. 1:1-31 и последовательно описывает шесть дней творения. Второй представляет собой своеобразный краткий пересказ первой истории с более подробным изложением шестого дня и сотворения человека – Быт. 2:1-25. Многие исследователи в разные времена указывали на любопытную схожесть этих рассказов с древнеавиловонскими эпосами о сотворении. В частности: «Энума элиш» («Когда вверху») и «Эпос о Гильгамеше». Однако наряду с несомненной схожестью повествования книги Бытие и эпосов имеют ряд существенных различий, о которых и пойдет речь в этой работе. Для начала же стоит заметить, что многие исследователи имеют весьма разные варианты о понимании и интерпретации этих текстов. Богословы также не имеют единого мнения о трактовке содержания текстов Бытия. Есть разные мнения, одни утверждают, что основной мыслью этого мифического повествования о сотворении является только то, что все сотворено Богом, другие придерживаются позиции, что описания точно воспроизводят картину событий сотворения, описывая ее буквально^[1].

Впрочем, стоит сказать о том, что библейское повествование по своему характеру больше напоминает (и, скорее всего, ей и является) полемику с древнеавиловонскими текстами. Что касается датировки данных космогоний, то известно, что таком виде они были особенно характерны для VI века. И если следовать мнению, что Пролог, т.е. 1-11 главы Бытия были написаны не Моисеем, как гласит традиция, а неизвестным еврейским автором в период плена, который писал библейское «Сотворение» с полемической точки зрения, то многое

¹ Обзор некоторых позиций см. в: Owen Thomas, ed. *God's Activity in the World*. - Chico, CA: Scholars Press, 1983. Также: Ian G. Barbour, *Issues in Science and Religion*. - Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1966. - Chap. 13.

сходится. И в этом смысле можно даже говорить не просто о полемическом характере Пролога, а об апологетическом. Также стоит сказать и об образно-символическом языке, который использовал автор, связанном с традиционной ближневосточной мифологией.

Вместе с тем Пролог представляет собой не столько поэму, сколько схему, которая последовательно описывает процесс сотворения Богом мира и человека. В то же время схожесть с вавилонскими текстами еще не говорит о том, что автор был близко знаком с эпосом о Гильгамеше, т.к. подобные космологии были весьма характерны в то время для всего Ближнего Востока. Это же касается и темы потопа. Подобную ситуацию, пожалуй, можно сравнить с современным положением теории Дарвина. Немногие лично знакомы с его трудами, однако многие способны воспроизвести его теорию, по крайней мере, в общих чертах.

Структура отрывка 1–11 гл. легко различима: он состоит из описания шести «дней творения» и вступления (первые два стиха: Быт. 1:1-2). Описание каждого «дня» начинается со слов «и сказал Бог», заканчиваясь фразой «и был вечер, и было утро, день...». При этом особо выделяются третий и шестой «дни», т.к. здесь слово Божие звучит дважды (Быт. 1:9, 11 и 24, 26). Благодаря такому обрамлению в основном тексте поэмы выделяются, с одной стороны, два первых «дня», а с другой — четыре последних. К тому же нетрудно заметить смысловую связь между описанием третьего и четвёртого «дня», с одной стороны, и пятого и шестого — с другой. В первом случае речь идёт о сотворении неживой природы (Быт. 1:9-19), а во втором — о сотворении жизни и живых существ (Быт. 1:20-30) (о «траве, сеющей семя» и «дереве, приносящем плод» в Быт. 1:11, 12 будет сказано особо). Описание каждого акта творения завершается фразой «и увидел Бог, что это хорошо». Исключение здесь составляет описание второго «дня», где эта фраза отсутствует (в еврейском тексте; в Синодальный перевод она была добавлена из текста Септуагинты, а переводчики, создавшие Септуагинту, вероятно, добавили её в свой перевод по аналогии с описанием остальных «дней»). Кроме того, нельзя не обратить внимание на сходство в описании первого и четвёртого «дня», где говорится о разделении Богом света и тьмы (Быт. 1:4, 18). Нельзя также не отметить, что в описа-

нии первого «дня» употребляется выражение *יום אחד* *йом эхад*, т.е. не «первый», а «единый» или «единственный» день (в Синодальном переводе – «день один»), что особо его выделяет, как бы выключая из общей череды «дней творения».

Что касается первых двух стихов поэмы (Быт. 1:1-2), то в них, очевидно, процесс творения описан кратко и обще, и здесь лишь утверждается основная мысль всего произведения — мир сотворён Богом, и никакого другого начала, существующего до и помимо своего Творца, у него нет. Это существенно отличает библейскую поэму сотворения от космогонических поэм языческого мира, где речь идёт обычно лишь о некоем божестве, побеждающем хаос и упорядочивающем материю, творцом которой оно не является. Важным надо считать также утверждение библейского автора о вторичности хаоса, который отнюдь не рассматривается им как нечто изначальное, подобно языческим космогониям, где хаос всегда изначален и всегда предшествует космосу:

«Когда вверху не названо небо,
А суша внизу была безымянна,
Апсу первородный, всесотворитель,
Праматерь Тиамат, что все породила.
Воды свои воедино мешали,
Тростниковых загонов тогда еще не было,
Когда из богов никого еще не было,
Ничто не названо, судьбой не отмечено,
Тогда в недрах зародились боги»

(«Энума элиш», 1 таблица, 1-9 строки)^[2]

Эпос с самого начала не объясняет, откуда взялось все то, из чего впоследствии творился мир. В библейской же поэме о хаосе в Быт. 1:2 говорится как о чём-то вторичном, что вовсе не было присуще миру изначальное. Ведь выражение «небо и земля» (евр. *שמים וארץ* *шамим ве-эрец*) обозначает здесь всю полноту творения, и творение это вовсе не хаотично. А вот бесформенная и бескачественная (евр. *תהו ובהו* *тоху ва-воху*, в Синодальном переводе — «безвидная и пустая») земля — всего лишь его часть, и к тому же часть, оторван-

² Текст эпоса воспроизводится по электронному ресурсу: <http://khazarzar.skeptik.net/books/shumer/enuma.htm>

ная от целого. Поэтому хаос появляется там и тогда, где и когда изначальная цельность творения по каким-то причинам разрушается. Не случайно здесь, во втором стихе, появляется в поэме упоминание о воде, в древней ближневосточной мифологии (образно-символический ряд которой использует библейский автор в своей поэме) обозначающей именно этот изначальный хаос.

Далее, что касается сходств, то стоит заметить, что прежде и Пролог и вавилонские повествования (как, впрочем, египетские и греческие) сходятся в том, что существует сверхъестественный мир, существуют также и боги (Бог), которые (который) способны думать, говорить и иметь связь с людьми, а также управлять человеческими делами:

«Явились Лахму и Лахаму и именем названы были.
И пока они росли и мужали,
Тогда родились Аншар и Китар.
Они дни копили, множили годы,
И наследник их — Ану, — отцам своим равный.
Ану-первенца Аншар себе уподобил.
Нудиммуда сотворил по своему подобию Ану.
Нудиммуд, отцами рожденный своими,
Он разумом светел, многомудр и всемогущ,
Аншара, деда его, превзошел он премного»
(«Энума элиш», 1 таблица, 10-19 строки)

Есть сходство и с тем, что человек, хоть и создан из праха земного, в которого Бог вдыхает в божественное дыхание жизни (из глины, плоти и крови в вавилонском эпосе), он тем не менее больше, чем сам материал. В то же время египетские тексты говорят, что человек сделан по образу Бога (ср. Быт. 1:26-27)³. В вавилонском эпосе процесс сотворения человека представлен так:

«Мардук, речи богов услышав,
Сердцем задумал искусное сделать,
Уста открыл он и молвит Эйе,
Что в сердце задумал, в уме замыслил:
“Кровь соберу я, скреплю костями,

³ См. Древнеегипетская книга мертвых // Вопросы истории / Пер. с др.-егип., введение и комментарии М. А. Чегодаева. — 1994. — № 8. — С. 145-163 ; № 9. — С. 141-151

Создам существо, назову человеком.

Воистину я сотворю человеков.

Пусть богам послужат, чтоб те отдохнули.

Божьи пути изменю и улучшу».

(«Энума элиш», 6 таблица, 1-9 строки)

Далее стоит отметить и то, что акт разделения между водой и землей, светом и тьмой также имеет параллели в Ближневосточном богословии⁴.

Тем не менее, несмотря на все сходства, необходимо обратить внимание на существенные различия, поскольку сходства в данном случае лишь внешние, т.к. различия в сути повествований еще более существенные, нежели сходства. Прежде всего, библейский текст говорит о своем собственном понимании божественного мира, защищая единобожие. Первое, что говорит текст по этому поводу (не считая, что Бог и так сразу упоминается в единственном числе, не смотря на специфику множественной формы «Элохим» - Быт. 1:1), это описание сотворения солнца, луны, звезд и морских монстров, которые почитались как могущественные божества в языческой мифологии. В то же время в Библии они просто существа, сотворенные Богом.

Также в библейское повествование заложен потрясающий оптимизм по отношению ко всему происходящему. Бог не просто творит природу и Вселенную, Он притом и оценивает ее как «все хорошо весьма». После этого, выясняется, что сотворенная Им природа была дана человеку, который жил в совершенных («райских») условиях, о которых до сих пор остается некое подсознательное воспоминание как о «золотом веке» (который в вавилонском тексте рассматривается как время бедствий, от которых человека спасла богиня Нинтур). Причем библейское повествование сразу заявляет об особых отношениях Бога и человека. Бог не просто создает человеку совершенные условия. Он также предоставляет ему инициативу, например, охранять сад, возделывать его, дать имена животным. Причем все это на фоне того, что творение Бога не нуждается во всем этом, т.к. оно и так совершенно. Во всяком случае, ясно видно, что человек

⁴ См. С. Крамер "Мифология Шумера и Аккада", -М.:Просвещение, 1977; С. Фингарет "Мифы и легенды Древнего Востока", -М.: Норинт, 2002.

делает это не для Бога, а, скорее, для себя самого, и раз это делается им с санкции Бога, то легче предположить, что в этом скрыт некий смысл и мудрость Бога по отношению к человеку. Но самое замечательное в библейском повествовании то, что после катастрофы, когда Бог вынужден (а не делает это произвольно) изгнать первых людей из Эдемского сада, Он тем не менее берет вопрос о разрешении этой проблемы в Свои руки, хотя, по идее, делать это не обязан. Первое, что говорит Бог после падения Адама, это обетование о спасении. Причем потоп в этом контексте также становится частью реабилитации человечества, как акт не столько наказующий, сколько сдерживающий процесс самоуничтожения человека. Вместе с тем после потопа Бог всячески поощряет и благословляет человека для размножения и заселения земли.

В то же время в вавилонских произведениях нет такого оптимизма. Человек создается богами прежде всего для работы по обеспечению богов пищей, чего сами они выполнять более не желают (в библейском тексте напротив, Бог всячески заботился о человеке). Здесь разница даже не просто в намерении создания человека, а более в том, что боги не имеют той возвышенной и совершенной природы, что природа библейского Бога. Человек не имеет столь близких отношений с богами и постоянно враждует с ними. Все проблемы человека являются исключительно его собственными проблемами, которые никто за него не собирается решать. Причем наиболее интересным является не то, что человек находится в постоянном конфликте с богами, а то, что он способен их обмануть и использовать в своих целях. Также повествования о потопе говорят, что потоп был устроен богами с целью уничтожения человечества из-за того, что оно производит шум от собственного перенаселения, и только случайность спасла Гильгамеша от неминуемой гибели, т.к. ему помог бог, который не желал его гибели:

«Утнапишти ему вещает, Гильгамешу
"Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово
И тайну богов тебе расскажу я.
Шуриппак, город, который ты знаешь,
Что лежит на берегу Евфрата, -
Этот город древен, близки к нему боги.

Богов великих потоп устроить склонило их сердце"».

(«Эпос о Гильгамеше», 11 таблица)^[5]

После того, как потоп начался, вавилонский текст повествует, что боги даже утратили над ним контроль и очень испугались этого. В то же время после потопа наиболее могущественный бог Энлиль был даже весьма удивлен тем, что Гильгамеш уцелел:

«Эллиль, как только туда он прибыл,

Увидев корабль, разъярился Эллиль,

Исполнился гневом на богов Игигов:

"Какая это душа спаслася?

Ни один человек не должен был выжить!"»

(«Эпос о Гильгамеше», 11 таблица)

Но даже после этого отношение богов к людям не изменилось, потому что они продолжали искать возможность ограничить прирост населения. И, наконец, согласно одной из вавилонских традиции, седьмой, четырнадцатый, девятнадцатый, двадцать первый и двадцать восьмой дни каждого месяца были представлены как неудачные. Однако Библия объявляет седьмой день каждой недели днем отдыха, посвященного Богу (2:1-3).

Другое повествование о браках земных женщин с «сынами Божьими» представляется вавилонским эпосом как нечто доброе и необходимое. Известно, что культы священной проституции и вообще связанные с половыми актами с богами рассматривались как некие гарантии плодородия. Эти культы сохранялись достаточно долгое время. В Ханаане, например, они исчезли только после завоевания его израильянами. Между тем в Библии данные сношения осуждаются. Причем библейское повествование говорит о том, что они стали причиной развращения человечества, что впоследствии послужило причиной потопа.

История о строительстве Вавилонской башни пронизана тонким юмором. Поскольку Вавилон в представлении его жителей был центром древней цивилизации, а башня представляла собой храм, т.е. ворота небес, то Библия описывает момент строительства этой башни с той точки зрения, что Бог вынужден сойти (спуститься), чтобы

⁵ Текст воспроизводится по электронному ресурсу: <http://lib.ru/POEEAST/gilgamesh.txt>

посмотреть на ее строительство. Ворота небес оказались настолько низкими, что Богу пришлось спуститься и посмотреть на нее. Вавилон вместо того, чтобы стать воротами Бога, стал местом «замешательства», «беспорядка».

Список основных сходств Пролога и вавилонского текста:

1. Образно-символический язык, характерный для ближневосточной мифологии.
2. Существует сверхъестественный мир, отличный от мира видимого.
3. Существуют боги (Бог).
4. Боги (Бог) являются личностями, способными думать, говорить и иметь связь с людьми, а также управлять человеческими делами.
5. Общая схема повествования о сотворении Вселенной и человека.
6. В акте творения имеет место разделение света и тьмы, земли и воды.
7. Человек создан из земного материала.
8. В то же время человек, благодаря своей внутренней, нематериальной сущности, является большим, чем то, из чего он создан.
9. Человек создан по образу богов (Бога).

**Сравнительная таблица основных различий
Пролога и вавилонского текста:**

	Библейское повествование	Вавилонское повествование
1.	Бог – творец.	Божество – устроитель, т.к. всего лишь упорядочивает уже сотворенное.
2,	Бог един.	Богов много.
3.	Хаос вторичен и устраивается Богом.	Хаос изначален.
4.	Природные стихии и объекты – творение Бога.	Природные стихии и объекты – божества.
5.	Бог творит человека и устраивает его жизнь.	Боги творят человека для обеспечения себя пищей.
6.	Нагота – символ невинности и достатка.	Нагота – символ времени бедствий.
7,	Бог решает проблемы человека.	Человек предоставлен сам себе в своих проблемах.
8,.	Бог возвышен перед человеком и близко общается с ним.	Боги и человек находятся в постоянных конфликтах и соперничестве.
9.	Потоп полностью контролировался Богом.	Потоп вышел из-под контроля богов.
10.	Причина потопы – развращение людей.	Причина потопы – шум, который производили люди и мешали богам.
11.	Спасение Ноя от потопы – результат его благочестия и доверия Богу.	Спасение Гильгамеша – удача, помощь бога, которому он молился.
12.	Сексуальная связь с «сынами Божьими» – признак развращения человечества.	Сексуальная связь с божествами – официальный культ плодородия.

В заключение можно сделать вывод, что библейские повествования, несмотря на некоторую внешнюю схожесть, тем не менее имеют совсем иную, противоположную внутреннюю идею, которая заключается в особых отношениях Бога и человека. Эта идея особой близости и расположения Бога к человечеству впоследствии ляжет в основу христианского вероучения. Вместе с тем вавилонское учение оказалось тупиковым и со временем сошло на нет, утратив свой внутренний заряд и логику духовной жизни.